

Правовая природа третейского соглашения*

В. Н. АНУРОВ, кандидат юридических наук

ИССЛЕДУЕМ ПРОБЛЕМАТИКУ

Смешанная природа третейского соглашения

Если отказаться от радикальных подходов, проявляющихся в договорной и процессуальной теории, то в каждой из них можно найти благодатную почву для формирования основных принципов смешанной теории третейского соглашения. В обзоре А. Д. Кейлина приводятся высказывания П. Браше об особой, смешанной природе третейского соглашения. Критикуя позицию процессуалистов, утверждающих, что третейское решение приобретает характер судебного решения после выдачи экзекватуры, он приводит оригинальную трактовку данной стадии развития отношений между участниками третейского разбирательства, в которой имеется место и для материально-правовых и для процессуальных элементов. По его мнению, суть проблемы заключается в смешении двух понятий — юридической силы и исполнительной силы третейского решения. Их разделение служит опорной базой для объяснения природы третейского соглашения, исходя из гармоничного сочетания материально-правового и процессуального элемента. Первое понятие (юридическая сила) вытекает из договорного характера третейского решения и имеет универсальное действие по аналогии с универсальностью юридической силы всяких соглашений. Исполнительная сила вытекает из санкции, предоставляемой публичной властью, и имеет лишь территориальное действие. В связи с этим договорный характер третейского решения, указывающий на универсальность его исполнения, не может быть подвержен изменению.

Окончательное оформление основных принципов смешанной теории произошло в результате международного сотрудничества в сфере коммерческого арбитража. В отличие от договорной и процессуальной теорий, чье создание было обусловлено особенностями национально-правовых систем, смешанная теория направлена на их взаимодействие и восприятие современных тенденций развития третейского разбирательства. Необходимость в регулировании отношений, возникающих между участниками третейского разбирательства и осложненных иностранным элементом, заставила по-новому взглянуть на природу третейского соглашения. Таким образом, коллизионный вопрос послужил предпосылкой для формирования новой концепции, рассматривающей третейское разбирательство как комплексный межотраслевой институт. Выбор применимого права был поставлен в зависимость от правовой квалификации отношения, составляющего объем коллизионной нормы. В случае установления материально-правового элемента допускалось применение иностранного права. Если рассматриваемое правоотношение носило процессуальный характер, подлежало применению право страны суда. В докладе, сделанном Дж. Сьюсси Холлом на 44 сессии Института международного права в 1952 году, четко прослеживается мысль о применении к отношениям, возникающим между участниками

* Начало см.: Третейский суд. 2008. № 5. С. 91–103; № 6. С. 85–94.

Продолжение таблицы будет опубликовано в следующих номерах «ИС».

Материал подготовлен и предоставлен для публикации управляющим партнером Санкт-Петербургского Адвокатского бюро «Егоров, Пугинский, Афанасьев и Партнеры» И. В. Никифоровым. Перевод выполнен при участии В. Таланова и С. Абесадзе (Адвокатское бюро «Егоров, Пугинский, Афанасьев и Партнеры»).

третейского разбирательства, материального и процессуального права. Однако предложенные коллизионные нормы, посредством которых устанавливалось право, регулирующее третейское соглашение и третейское разбирательство, в основном, были сосредоточены на решении практических задач, связанных с нахождением компромисса между различными национально-правовыми системами. Безусловно, содержание этих норм косвенным образом закрепляет результаты, достигнутые в процессе обсуждения правовой природы отношений, складывающихся между участниками третейского разбирательства. Вместе с тем, внутригосударственное законодательство о третейских судах не подпадает под сферу применения вышеназванных коллизионных норм, что оставляет вопрос о правовой квалификации третейского соглашения актуальным.

Сама идея о соединении материально-правовых и процессуальных элементов в рамках одного института права сопряжена с трудностями доктринального характера, принятыми традициями в отдельно взятой национально-правовой системе в отношении системы правовых понятий, методики изучения юридических проблем. Ярким подтверждением этого являются высказывания, появляющиеся в современной российской юридической литературе при рассмотрении третейского соглашения как договора особого рода — договора «*sui generis*». Так, например, в суждениях М. А. Попова чувствуется глубокий пессимизм относительно эффективности смешанной теории. По его мнению, главная проблема, заключающаяся в определении критерия, посредством которого можно было бы разграничить материально-правовые и процессуальные отношения, данной теорией не решена¹. С большой долей иронии относится к применению института «*sui generis*» и М. А. Рожкова². На этом негативном фоне еще важнее звучит призыв Л. П. Ануфриевой к проведению более глубокого исследования рассматриваемого феномена и его проявления в третейском соглашении и третейском разбирательстве. Необходимо отказаться от отношения к институту «*sui generis*» как к «простой сумме элементов», взаимодействующих друг с другом хаотичным образом.³ В то же время приоритеты, расставленные Л. П. Ануфриевой, не раскрывают всей сложности образующихся соединений между материально-правовыми и процессуальными элементами в результате развития правоотношений между участниками третейского разбирательства. Разделение их на две стадии — заключение третейского соглашения и проведение третейского разбирательства, завершающегося вынесением третейского решения, — показывает доминирующее влияние того или иного отраслевого элемента⁴. Однако упускается из вида

¹ «Смешанная (*sui generis*) концепция утверждает, что некоторые аспекты арбитража регулируются материальным правом, а некоторые процессуальным. Однако эта концепция не дает критерия определения границы, которая разделяет материально-правовое и процессуально-правовое регулирование арбитража». См.: Попов М. А. Теоретические и практические проблемы российской проблемы регулирования деятельности третейских судов: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. СПб., 2002. С. 11.

² «В современной литературе можно обнаружить тенденцию к тому, что вопросы юридической природы сложных правовых явлений решаются путем признания их институтом «*sui generis*». Такая участь постигла и мировое соглашение». См.: Рожкова М. А. Указ. соч. С. 102. Хотя процитированный тезис М. А. Рожковой, строго говоря, касается только мирового соглашения, рассмотрение ею третейского соглашения исключительно как гражданско-правовой сделки позволяет сделать предположение о том, что ее отрицательное отношение к институту «*sui generis*» распространяется также и на третейское соглашение.

³ Подробнее см.: Ануфриева Л. П. Указ. соч. С. 145.

⁴ «Арбитраж предстает как институт *sui generis* прежде всего за счет того, что, на мой взгляд, сочетание отмечаемых всеми двух граней имеет взаимообусловленный, сущностно-детерминированный характер, в котором прослеживаются определенные приоритеты, а именно — сперва

его способность симых к другой указанный врем

Значительные российских учет отношений в ра зывают попытку и институтов м органов правосу школой гражда сутствие прав и ция их интересо который и выст новения и прекр субъектный сос вование у сторо параллели прое пом автономии : судопроизводст ванного принц стороны распо

В некоторы разграничения смешанной теор кового может в лица, обладающ зависит создани ми арбитражно тельстве являет ный законодате арбитраже, или ной правовой си ет ключевую ро между участни он выступает в или опровергае по квалификац и в процессе тр

гражданско-прае диях (арбитражи цессуально-праве

⁵ Подробнее см.: Р в Арбитражном п Мировая сделка:

⁶ «...допустимость нция автономии процесса». См.: Е

⁷ Подробнее см.: А жа. Вопросы теор в формировании канд. юрид. наук.

го права. Однако становивалось азбирательство, задач, связанных ьно-правовыми азом закрепляет оды отношений, ельства. Вместе дах не подпадает и, что оставляет туалным.

гальных элемен- ми доктриналь- ционально-пра- одики изучения тся высказыва- литературе при рода — договора вуется глубокий

По его мнению, я, посредством ювые и процес- й долей иронии жкова². На этом ой к проведению : его проявления обходимо отка- й сумме элемен- :³ В то же время е всей сложности процессуальны- ду участниками — заключение ельства, завер- : доминирующее скается из вида

тража регулируются е дает критерия опре- —правовое регулиро- юссийской проблемы аж. СПб., 2002. С. 11. просы юридической итутум «sui generis», оч. С. 102. Хотя про- рового соглашения, ко-правовой сделки ие к институту «sui

ю, на мой взгляд, со- цностно-детермини- л, а именно — сперва

его способность также проявляться и в правоотношениях, традиционно отно- симых к другой отрасли права. Поэтому для целей правовой квалификации указанный временной критерий представляется недостаточным.

Значительный вклад в развитие смешанной теории могут внести работы российских ученых, раскрывающих понятие и признаки процессуальных отношений в рамках отечественной правовой системы. Особый интерес вызывают попытки объяснить природу данных отношений с помощью понятий и институтов материального права, не прибегая к ссылке на деятельность органов правосудия как ключевого признака, используемого традиционной школой гражданского процесса. Речь идет о такой известной аксиоме, как отсутствие прав и обязанностей между сторонами в судебном процессе. Реализация их интересов осуществляется исключительно через государственный суд, который и выступает в отношении каждой из сторон источником для возникновения и прекращения у нее процессуальных прав и обязанностей. Напротив, субъектный состав материального правоотношения предусматривает существование у сторон взаимных прав и обязанностей друг к другу⁵. Любопытные параллели проведены Н. Елисеевым между гражданско-правовым принципом автономии воли сторон и диспозитивными и состязательными началами судопроизводства. В результате, он приходит к выводу о влиянии вышеназванного принципа на признание в процессуальном праве возможности для стороны распоряжаться своими процессуальными полномочиями⁶.

В некоторых своих работах мы также попытались определить критерий разграничения материально-правовых и процессуальных отношений в рамках смешанной теории международного коммерческого арбитража. В качестве такового может выступать возможность осуществления волеизъявления третьего лица, обладающего характером приоритетности и окончательности, от которого зависит создание, изменение, прекращение правоотношений между участниками арбитражного разбирательства. Таким третьим лицом в третейском разбирательстве является состав третейского суда, компетентный орган, предусмотренный законодательством о третейских судах или международном коммерческом арбитраже, или государственный суд в зависимости от того, в какой национальной правовой системе проводится третейское разбирательство⁷. Последний играет ключевую роль в установлении правовой природы отношений, сложившихся между участниками третейского разбирательства. Как и в судебном процессе, он выступает в качестве последней инстанции, т. к. именно он подтверждает или опровергает позицию состава третейского суда или компетентного органа по квалификации спорного вопроса. При заключении третейского соглашения и в процессе третейского разбирательства стороны обладают полной свободой

гражданско-правовые, т. е. материально-правовые (договорные), а затем, на последующих стадиях (арбитражного разбирательства, вынесения решения и в конце концов исполнения) — процессуально-правовые элементы». См.: Ануфриева Л. П. Указ. соч. С. 145–146.

⁵ Подробнее см.: Рожкова М. А. Материальные и процессуальные соглашения, поименованные в Арбитражном процессуальном кодексе РФ // *Хозяйство и право*. 2004. № 1. С. 75; Рожкова М. А. *Мировая сделка: использование в коммерческом обороте*. М., 2005. С. 95.

⁶ «...допустимость договорного распоряжения процессуальными полномочиями следует из принципа автономии воли сторон, а также из диспозитивных и состязательных начал гражданского процесса». См.: Елисеев Н. Указ. соч. С. 57.

⁷ Подробнее см.: Ануров В. Н. *Юридическая природа международного коммерческого арбитража. Вопросы теории и практики*. М., 2000. С. 120; Ануров В. Н. *Роль международных договоров в формировании современной концепции международного коммерческого арбитража: Дисс. ... канд. юрид. наук*. М., 2000. С. 9–10.

действий, которая не может быть ограничена никакими требованиями, предъявляемыми к ним третьими лицами — третейскими судьями или должностными лицами компетентного органа, обладающего определенными полномочиями в отношении формирования состава третейского суда и порядка проведения третейского разбирательства. Принцип добровольности должен сводить на нет все попытки третьих лиц принимать решения, противоречащие взаимному волеизъявлению сторон, выраженному надлежащим образом и удовлетворяющему все требования, предъявляемые к заключенному ими третейскому соглашению. Не случайно, ст. 7 Федерального закона РФ «О третейских судах в Российской Федерации» прямо указывает на приоритетное значение автономии воли сторон в случае распространения правового режима третейского соглашения на регламент постоянно действующего третейского суда⁸.

Если стороны не используют свое право, предоставленное им законодательством о третейских судах, на самостоятельное регулирование вопросов, возникающих в процессе третейского разбирательства, в их взаимоотношениях с составом третейского суда возникает процессуальный элемент. В этом случае стороны, по аналогии с судебным процессом, как бы замораживают спорное правоотношение на определенной стадии его развития и передают его на рассмотрение третейского суда. Некоторые вопросы могут быть разрешены компетентным органом или государственным судом в зависимости от национально-правовой системы, которая делает свой выбор в пользу одного из этих органов. Наиболее частным случаем такого вмешательства в третейское разбирательство является порядок формирования состава третейского суда при наличии разногласий между сторонами или отсутствия явно выраженного соглашения об этом вопросе, что может привести к невозможности исполнения третейского соглашения. Чтобы оказать помощь третейскому суду при решении этой проблемы, привлекаются вышеперечисленные органы для вмешательства в третейское разбирательство. Это один из примеров непосредственного участия государственного суда в процессуальных отношениях. Его опосредованное участие происходит на стадии оспаривания, признания и приведения в исполнение третейских решений. Правовые нормы, закрепляющие основные принципы реализации данных процедур, считаются негласным сводом аксиом, не подлежащих пересмотру. Именно они составляют ключевые положения известных конвенций и других международных документов, регулирующих вопросы международного коммерческого арбитража. Именно они инкорпорируются в законодательстве большинства национально-правовых систем без внесения в них существенных изменений. Речь идет об основаниях, в соответствии с которыми государственные суды могут лишить третейское решение юридической силы путем его отмены или отказа в его принудительном исполнении.

В современной российской юридической литературе распространена точка зрения о делении вышеперечисленных оснований на материально-правовые и процессуальные. Если строго следовать смешанной теории, то необходимо отказаться от такого чересчур упрощенного подхода. Основания, имеющие и материально-правовой, и процессуальный характер, занимают значительное место в указанном перечне. Индикатором для определения отраслевой принадлежности

⁸ В соответствии с п. 3 ст. 7 Федерального закона РФ «О третейских судах в Российской Федерации» если стороны не договорились об ином, то при передаче спора в постоянно действующий третейский суд правила постоянно действующего третейского суда рассматриваются в качестве неотъемлемой части третейского соглашения.

правил, пред для сторон в вать отноше суда, самост такого согла мент в дейст решения. К об уведомле рательстве, третейской и дении межд соблюдении законодател вой, так и пр институтов г международ вызывает сс то здесь дел никак не свя нарушения : дательства. нена точка : квалифика статировать вышеперечисл тейского со игнорирова нарушению исковых тре разбирательс кого дублирн ие о возмо: основаниям. праву може правовой си тельства. Вс всегда може третейским] нарушения публичного подлежит ус от указания

⁹ Подробнее см Краткий обзор арбитраж. 201 ред. Г. К. Дми

правил, предусмотренных в рамках одного основания, служит возможность для сторон воспользоваться диспозитивной нормой и постараться урегулировать отношения, складывающиеся с другой стороной и составом третейского суда, самостоятельно путем достижения согласия по спорным вопросам. Если такого соглашения достичь не удастся, сразу появляется процессуальный элемент в действиях третейских судей, которые по своему усмотрению выносят решения. К таким основаниям смешанного характера можно отнести правила об уведомлении сторон о назначении третейского судьи и третейском разбирательстве, порядке формирования состава третейского суда и определения третейской процедуры. Особое место среди них занимает требование о соблюдении международным коммерческим арбитражем публичного порядка или соблюдении внутренним третейским судом основополагающих принципов законодательства, нарушение которых может иметь как материально-правовой, так и процессуальный характер. Материально-правовой характер данных институтов прямо вытекает из буквального толкования соответствующих норм международных конвенций и внутрисударственного законодательства и не вызывает сомнения у ученых. Что же касается процессуального характера, то здесь дело обстоит сложнее, т. к. нарушение процедуры принятия решения никак не связано с его исполнением, которое является ключевым признаком нарушения публичного порядка или основополагающих принципов законодательства. Тем не менее, в современной российской доктрине распространена точка зрения о допустимости материально-правовой и процессуальной квалификации данных институтов.⁹ Если следовать ей, то необходимо констатировать, что в этих случаях определение отраслевой принадлежности вышеперечисленных институтов не зависит от использования сторонами третейского соглашения диспозитивной нормы. Предметом оценки выступает игнорирование составом третейского суда фактов, приводящих к серьезному нарушению интересов государства и общества в результате удовлетворения исковых требований заинтересованной стороны или проведения третейского разбирательства с нарушением элементарных процессуальных правил. Никакого дублирования правовых норм не происходит, хотя и создается впечатление о возможной квалификации одного процессуального нарушения по двум основаниям. К примеру, несоответствие третейской процедуры применимому праву может рассматриваться и как нарушение публичного порядка данной правовой системы. Однако упускаются из вида два немаловажных обстоятельства. Во-первых, право, применимое к третейскому разбирательству, не всегда может совпадать с правопорядком, чей публичный порядок нарушен третейским решением. Во-вторых, в первом случае бремя доказывания факта нарушения лежит на заинтересованной стороне, в то время как нарушение публичного порядка или основополагающих принципов законодательства подлежит установлению государственным судом «ex officio», т. е. независимо от указания на это заинтересованной стороной.

Подводя итог всему вышесказанному, включая высказывания о недостаточной изученности спорных вопросов, возникающих в сфере взаимодействия

⁹ Подробнее см.: Крохалев С. В. Международный коммерческий арбитраж и публичный порядок. Краткий обзор французской доктрины и судебной практики // Международный коммерческий арбитраж. 2004. № 3. С. 95–103; Крохалев С. В. Международное частное право: Учебник / Под ред. Г. К. Дмитриевой. М., 2000. С. 164.

материально-правовых и процессуальных элементов в третейском разбирательстве, смешанная теория все же представляется единственным средством для устранения противоречий, проявляющихся в теоретических конструкциях, построенных по отраслевому признаку. Возможность обратиться к гражданскому и процессуальному праву значительно расширяет юридический инструментарий исследователя, который не обязан следовать основным принципам и методологии какой-либо одной отрасли права. Правда, необходимо использовать этот инструментарий очень осторожно, чтобы не впасть в другую крайность — обращаться к институтам различной отраслевой принадлежности в целях сохранения целостности собственной научной системы.

Решение проблемы соединения двух межотраслевых начал в третейском соглашении лежит на поверхности. Необходимо обратиться еще раз к «трудам ученых тех далеких лет»¹⁰, внося некоторые корректировки, продиктованные современной научной доктриной. Модель третейского соглашения, разработанная сторонниками договорной теории, не теряет свою актуальность. Применение положений договорного права к отношениям, возникающим между сторонами и третейскими судьями, неизбежно вследствие того, что третейский суд не входит в органы правосудия и осуществляет свою деятельность в частноправовой сфере. Поэтому конструкция третейского соглашения, состоящая из двух соглашений: соглашения между сторонами о передаче спора на рассмотрение третейского суда и соглашения между сторонами и составом третейского суда, является отправной точкой для правильного понимания правовой природы отношений между участниками третейского разбирательства. Более того, она широко используется в современной практике международного коммерческого арбитража. В частности, Арбитражный регламент Международной торговой палаты предусматривает составление сторонами и арбитражным трибуналом специального документа, называемого актом о полномочиях арбитров, определяющим условия проведения третейского разбирательства¹¹. Единственным недостатком в описании вышеназванной модели, содержащейся в трудах сторонников договорной теории, является недопустимость процессуальной квалификации некоторых элементов третейского соглашения и регулируемых им правоотношений. Безусловно, соглашение о передаче споров на рассмотрение третейского суда остается в рамках материального права, поскольку оно заключается между сторонами третейского соглашения, обладающими равным статусом. Вступление в правоотношения третейских судей знаменует усложнение структуры договорных связей. Прежде всего, на этапе формирования состава третейского суда может быть заключено двустороннее соглашение между стороной, выступающей инициатором третейского разбирательства, и составом третейского суда или трехстороннее соглашение, если в формировании состава третейского суда участвует и другая сторона. Эти два вида третейского соглашения, отличающиеся друг от друга по субъектному составу сторон, существуют и на этапе принятия третейским судом решения о своей компетенции. Если в формировании состава третейского

суда участвовала то разбирательства, и компетенции рассматривать о двустороннем соглашении, ограничилась вынесением судьи как исполнителю усилия, знания для затратили определением циркулирующая третейской работы. Критику между сторонами и получила получить совмещение разбирательства и такой позиции являющейся в самом обращении, не соглашается с ее заблуждения от неразумных расходов несению неисполнения недостатка. В случае речь идет о трехстороннем Материально-правовом проведении третейских соглашениях между сторонами для выделения их положений, предусмотренного соглашения к ним присоединения: проведения третейских данных положений, содержащем порядке регулирования в отношениях между сторонами, вает такую степень, которое не ограничивает третейского соглашения, тически передает Оно, конечно же, должны учитывать предъявляемые к работе сформулированные третейских решений.

Нельзя сказать, что это является практикой. Во мнении позиции содержится прямое несено по делу Ф

¹⁰Эти слова взяты из фразы, предваряющей возобновление публикации научной работы А. Ф. Волкова «Торговые третейские суды»: «Возможно, ответы на многие проблемные вопросы современности уже известны, и нет необходимости в их переосмыслении, — следует просто обратиться к трудам ученых тех далеких лет». См.: Третейский суд. 2007. № 1. С. 106.

¹¹Подробнее см.: Ануров В. Н. Юридическая природа международного коммерческого арбитража. Вопросы теории и практики. М., 2000. С. 146–147.

¹²Постановление ФеАС РФ от 11.07.2012 № А40/7475-03.

етейском разбира-
венным средством
еских конструкци-
братиться к граж-
рует юридический
ать основным при-
равда, необходимо
и не впадать в дру-
левой принадлеж-
й системы.

ачал в третейском
еще раз к «трудам
и, продиктованные
нения, разработан-
ность. Применение
л между сторонами
тейский суд не вхо-
в частноправовой
остоящая из двух
на на рассмотрение
и третейского суда,
правовой природы
ства. Более того,
народного коммер-
т Международной
и и арбитражным
полномочиях ар-
разбирательства¹¹.
модели, содержа-
я недопустимость
тейского соглаше-
ащение о передаче
ах материального
ского соглашения,
шения третейских
й. Прежде всего, на
заключено двусто-
тором третейского
оннее соглашение,
и другая сторона.
от друга по субъ-
третейским судом
става третейского

чной работы А. Ф. Вол-
ные вопросы современ-
ует просто обратиться
и.
мерческого арбитража.

суда участвовала только сторона, выступающая инициатором третейского разбирательства, и третейский суд вынес решение об отсутствии своей компетенции рассматривать переданный на его рассмотрение спор, то речь идет о двустороннем соглашении. В соответствии с ним роль третейского суда ограничилась вынесением решения по вопросу своей компетенции. Третейские судьи как исполнители по гражданско-правовому договору приложили свои усилия, знания для выполнения поручения обратившейся к ним стороны, затратили определенное количество времени. Одним словом, сторона, инициирующая третейское разбирательство, получила результат от выполненной работы. Критики договорной конструкции, применяемой к отношениям между сторонами и третейскими судьями, могут возразить, что сторона желала получить совсем не тот результат, надеясь на проведение третейского разбирательства и вынесение решения по существу. Возражениями против такой позиции является особый доверительный характер, подразумеваемый в самом обращении к третейскому суду. Подразумевается, что сторона заранее соглашается с мнением третейского суда, который, быть может, устранил ее заблуждения относительно компетенции третейского суда и спасет ее от неразумных расходов по проведению третейского разбирательства и вынесению неисполнимого третейского решения вследствие вышеназванного недостатка. В случае согласия ответчика с компетенцией третейского суда речь идет о трехстороннем соглашении, которое имеет смешанный характер. Материально-правовые элементы этого соглашения не исчезают с момента проведения третейского разбирательства, а проявляются в различных отношениях между сторонами или сторонами и третейскими судьями. Критерием для выделения их в действиях последних является выполнение договорных положений, представляющих собой результат реализации сторонами третейского соглашения принципа автономии воли сторон. Третейские судьи могут к ним присоединиться и тем самым признать за ними обязательную силу при проведении третейского разбирательства, а могут заявить о своем отводе, если данные положения вступают в противоречия с их представлениями о надлежащем порядке разрешения спора. Появление процессуальных элементов в отношениях между участниками третейского разбирательства подразумевает такую степень доверия сторон, предоставленного третейским судьям, которое не ограничивается устранением неясности в толковании условий третейского соглашения, установлением действительной воли сторон, а фактически передает спорные вопросы на полное усмотрение третейских судей. Оно, конечно же, не является безграничным и абсолютным. Третейские судьи должны учитывать при разрешении споров все те минимальные требования, предъявляемые к ведению справедливого и беспристрастного процесса, которые сформулированы, как было указано выше, в перечне оснований отмены третейских решений или отказа в признании и приведении их в исполнение.

Нельзя сказать, что смешанная теория отвергается российской судебной практикой. Во многих судебных делах она используется как теоретическое обоснование позиции суда. Можно встретить даже судебные решения, в которых содержится прямое указание на эту теорию. Одно из таких решений было вынесено по делу **Фонда развития института третейского судопроизводства**¹².

¹²Постановление Федерального арбитражного суда Московского округа от 21.10.2003 № КГ-А40/7475-03.

Фонд развития института третейского судопроизводства (истец) обратился в суд первой инстанции с иском о взыскании процентов, начисленных на сумму третейского сбора, который был взыскан с Государственного научного учреждения «Всероссийский научно-исследовательский институт зерна и продуктов его переработки» (ответчик) в пользу истца решением Межрегионального третейского суда. Суд первой инстанции в удовлетворении исковых требований отказал, сославшись на то, что соглашение о передаче дела на рассмотрение третейского суда не является гражданско-правовой сделкой. Судом апелляционной и кассационной инстанции решение было оставлено без изменения. В порядке попутных высказываний Федеральный арбитражный суд Московского округа сделал следующие комментарии к выводам судов нижестоящих инстанций в отношении правовой квалификации третейского соглашения. В соответствии с отечественной доктриной третейское соглашение имеет смешанную природу (*sui generis*) и сочетает материально-правовые и процессуальные элементы. Вопросы, касающиеся правоспособности и дееспособности сторон третейского соглашения, а также его формы и действительности квалифицируются как материально-правовые. После заключения третейского соглашения оно влечет процессуальные последствия — передачу конкретного спора на рассмотрение конкретного третейского суда.

Уникальность данного дела заключается в том, что государственный арбитражный суд сделал прямую ссылку в своем решении на смешанную теорию. Правда, ее польза для разрешения вопросов, сформулированных истцом, вызывает сомнения, т. к. главный вывод судов нижестоящих инстанций не был опровергнут. Процессуальные последствия третейского соглашения исключили возможность для истца предъявить вытекающие из него материально-правовые требования после проведения третейского разбирательства. Интерес для исследователя представляет не фабула дела и судебная оценка фактических обстоятельств, которые, кстати, очень трудно понять из текста судебного решения, а цепочка рассуждений, приведенная судом в ответ на отказ судов нижестоящих инстанций рассматривать третейское соглашение как гражданско-правовую сделку. Демонстрируя наличие материально-правовых элементов в третейском соглашении путем перечисления гражданско-правовых институтов, применимых в отношении третейского соглашения, суд ограничивает их действие временным фактором — передачей споров на рассмотрение третейского суда. Тем самым, напрашивается закономерный вывод о том, что с наступлением этого момента все материально-правовые отношения между участниками третейского разбирательства заканчиваются. Все вопросы, возникающие в дальнейшем, подлежат регулированию процессуальным правом. Кажущаяся простота подобной классификации скрывает ее существенный недостаток — ее ущербность с теоретической точки зрения. Как уже было сказано выше, очень трудно при таком неоправданно крутом повороте в область процессуального права оставаться «на плаву» и объяснять природу многих спорных вопросов третейского разбирательства, возникающих все же в частноправовой сфере общественных отношений.

Проблемы в связи с третейским присоединением

Е. А. ДЫБОВ, асп. и процесса Воро

В соответствии с Федерацией разрешение третейского соглашения, которая до договора.

Пункт 3 ст. ривает, что третейского определением к предл тельно, если т для предъявлен как договор п соглашение (п ключено тольк и лицо, чьи пр

Прежде все единения. Пор: ГК РФ, нормы участника гра вора присоеди участвовать в с ресы стороны,

Сторона, г соединения, в основаниям, н зательств. Так договора — он шей договор, с обременительн лишают одну

¹ Постатейный на сийской Федера: внесенными Фе: № 111-ФЗ, от 8: СПС «Консульт